

“Красота спасет мир” – такой девиз был объявлен XIX Московским международным кинофестивалем. Апелляция к Достоевскому подчеркивает отказ от политической ангажированности прежнего Московского международного. Впрочем, помнят уже больше не о ней (в оттепельную пору триумфальное шествие “8 1/2” Феллини начиналось все же с московского феста), помнят больше о неудаче двухгодичной давности постперестроечного кинофестивала. Отсюда подтекст нынешних событий: останется фестивалем класса А (единственным в России) – не останется? Кажется, сделано многое – чтобы остался. Сидящие суммы призов: добавление к серебряной статуэтке Святого Георгия – 50 тысяч долларов и 20 тысяч долларов. Государственный фактически статус фестиваля – с указом президента, с участием в оргкомитете первых лиц державы, с выделением крупных дотаций (которые уже стали предметом и восхищений, и язвительной иронии). Жюри – блистательное: о Ричарде Гире и говорить нечего, поскольку все о нем только и говорят; Отара Иоселиани, Фридриха Горенштейна, Лидию Федосееву-Шукшину представляют читателям “ЛГ” не надо, так же как после экранизации “Чюпкина” и чешского режиссера Иржи Менцеля. Плюс продюсер (в том числе и “Полуночного ковбоя”) Джером Хеллмен, оператор Ласло Ковач, сценарист и режиссер Конрад Холл, из кино критиков – один из известнейших в англоязычной прессе Дэвид Робинсон.

Но все решит конкурсная программа. О ней – дискуссии еще впереди. Но бросается в глаза сразу обилие дебютов: 6 лент из 22. Очень интересное кино привезли кинематографисты из бывшего соцлагеря: отличная лента Милоша Штейндлера “Спасибо за каждое новое утро”, яркий дебют венгра Йозефа Пачковски, который приехал с фильмом-экранизацией “Удивительное путешествие Корнела Эшти”, польская лента “Обращенный” Казимежа Куца...

Из работ известных авторов, которые априори привлекут внимание критиков, –

– Петр Ефимович, Московский кинофестиваль выбрал вас или вы выбрали фестиваль?

– П. Тодоровский. Я после операции сидел на даче, пытаюсь писать новый сценарий. Мне позвонили из “Интерфеста” и сказали, что “Какая чудная игра” отобрана в конкурсный показ.

– И вы согласились?

П. Т. Да. Хотя картину приглашали в Монреаль, в Токио, ленту смотрел и представитель Венецианского фестиваля. Но на токийском фестивале я был дважды – с “Интердевочкой”, и с фильмом “Анкор, еще анкор!”, получал там призы. Мне показалось, что “Какая чудная игра” в Токио вряд ли может заинтересовать жюри... Да после операции лететь 16 часов многовато. А московский фестиваль в этом году задуман с размахом. После перестройки и всех страстей-мордастей он стал довольно хилым, – в смысле представленных фильмов, их режиссур. В этом году на конкурс представлены фильмы французских, итальянских, американских режиссеров. Конкуренция серьезная...

– Тем не менее вы рассчитываете на победу, оптимизма не теряете?

П. Т. Оптимизма? Ну как сказать! Я снял фильм. Я сказал, что мне хотелось. Для меня это главное. А фестиваль, жюри – вещи непредсказуемые. Абсолютно объективных решений не бывает. Я сам был членом международных жюри и знаю это. Другое дело, когда есть беспорядный лидер, как когда-то на московском фестивале – “8 1/2” Феллини. Но такое бывает редко. Часто выбрать лучшую ленту очень сложно.

В 1985 году, допустим, “Военно-полевой роман” был номинирован на Оскара. И номинаторы, представлявшие пять лучших иностранных фильмов года на эту премию, говорили мне, что считают мой фильм лучшим. Однако Оскара получил швейцарец, который снял фильм о нашем диссиденте “Опасные ходы”. Это была история Корчного. Фестивали в конечном счете – суетное дело.

– Вы как-то признавались, что ваш любимый жанр – это мелодрама. Новый фильм не исключение?

П. Т. Честно признаться, я не особенно задумываюсь над жанром, хотя, наверное, следовало бы заранее ставить себе какие-то ограничения. Но если вы обратили внимание, последние мои ленты ближе к трагикомедии, я бы сказал – драмокомедии. И в “Какой чудной игре” тоже много смешных ситуаций, а кончается история молодых людей, очень талантливых, изобретательных, фантазеров, которые жили в тяжелое, даже страшное время. Они и поплались из-за своего таланта...

Только не подумайте, что я отрекаюсь от мелодрамы. Она у нас считалась жанром третьего сорта. А по-моему, замечательный жанр. Все меняется вокруг нас: и

Петр ТОДОРОВСКИЙ: “Без кино я превращаюсь в пепел...”

техника, и архитектура, и живопись... Но мелодрама будет существовать, пока существуют мужчины и женщины. Другое дело, что живут они не в безвоздушном пространстве, а в обществе с социальными и политическими проблемами. Поэтому в мелодраме можно многое сказать, и не только о любви. Хотя любовь – это основа основ.

Я всегда говорю, что зритель, придя в зал, через 10–15 минут должен забыть, что он смотрит кино. Он должен кого-то полюбить, возненавидеть, кому-то сочувствовать. И даже не очень понимать, о чем это кино и какая там идея... Это уж потом, если спустя день-два фильм ему еще вспоминается, то, может, тогда ему захочется подумать о смысле ленты, о том, ради чего она снималась... Как сказал Бетховен, слушатель должен вначале почувствовать, потом понять и, наконец, полюбить.

– Для зрителя идея должна откristаллизовываться в последнюю очередь, а как возникает замысел у создателя фильма?

П. Т. По-разному происходит. Иногда сидишь, тренькаешь на гитаре для себя – любимое занятие! – и вдруг откуда-то появляется даже не замысел, а эпизод или целая сцена, воспоминание. Последнее время я занимаюсь “ретро”, если так можно выразиться. И “Военно-полевой роман”, и “Анкор, еще анкор!”, и первый мой фильм “Верность”, сценарий которого мы писали вместе с Булатом Окуджавой, – о молодости нашего поколения, когда нам было по 18–20. “Какая чудная игра” – о той же эпохе.

Много лет меня мучила история “Военно-полевого романа”. Два реальных эпизода не давали покоя. Мы стояли в Польше, недалеко от Вислы, очень долго в обороне. На передний край кухни приезжала раз в сутки, к часу ночи. И мы шли повзводно получать перловую кашу, кусок хлеба, кусок сахара. И прохляк как-то мимо землянки комбата, мы услышали: оттуда доносилась музыка, играл патефон, заразительно смеялась женщина. Нам было по 18–19 лет – пора любви. И мы стали приходиться ночью к землянке комбата и слушать, как смеется женщина. А потом началось наступление, комбата убило, женщина исчезла. Уже после войны, когда я был студентом ВГИКа, шел морозным днем мимо ЦУМа – в фотомагазин. И вдруг услышал в толчее знакомый заразительный смех. Я обернулся: у стены стояла женщина в телогрейке, в ватных брюках, с облезлым манишкой. Она продавала пирожки. И зычным голосом призывно кричала: “Горячие пирожки! Покупайте!” А рядом на ящике сидела крошечная девушка, заматанная в лохмотья. И мне показалось, что это была та фронтальная королева. Недоступная для нас. Мы были все тайно влюблены в ее голос, в ее смех, в некую грезу. Была ли это она? Я не уверен до сих пор. Но эти две встречи не давали мне покоя, пока я не сел и не написал сценарий и не снял фильм...

– С фильмом “Какая чудная игра” тоже связано подобное неотвязное воспоминание?

П. Т. Был реальный эпизод студенческой жизни, когда актеры Николай Рыбников и Вадим Захарченко придумали розыгрыш.

Хотя сюжет фильма не только с игрой связан. Я не помню, кто именно написал в заметке о “Какой чудной игре”, что вот, мол, у Гены Назарова (он играет одну из главных ролей) есть в фильме только одна функция – сидеть в шкафу. Совершенная неправда. У Гены замечательная история. Он влюблен безумно в одну студентку (ее играет Маша Шукшина), которая на него смотреть не хочет. А он страдает, он плачет, просто умирает от любви. У него пять или шесть отличных сцен в фильме. А рецензия говорит, что он только в шкафу сидит. Как можно? Хотя и несчастная любовь не главное... Главное – жизнь этих ребят, которые разыгрывают, играют и доигрываются до... Но все карты я не буду раскрывать.

– Трудно было подобрать актеров для этого фильма?

П. Т. Трудно, потому что нужно было найти четверых (!) молодых (!) и – самое главное – талантливых ребят. Шел многомесячный отбор. Я давал задания, чтобы актеры дома готовили этюды. В конечном счете я сколотил эту четверку главных героев, в которой только один Андрей Ильин к тому времени уже был профессионалом. Остальные трое тогда учились: Гена Назаров был на третьем курсе у Марка Захарова, Константин Денис – в Щепкинском училище, Геннадий Митник – в Щукинской училище. Федоренко Толю я нашел у Марка Захарова, он сыграл у нас Каку – это сокращение от Карась-Карамышева... Маша Шукшина тоже не профессиональная актриса, а переводчица по профессии.

– Но в “Американской дочери” она уже играла?

П. Т. В “Американской дочери” она сыграла после нашего фильма. Когда появляется такая девчонка, у которой папа – Василий Макарович Шукшин, а мама – Лидия Федосеева-Шукшина, не удивляешься, что она все понимает с полуслова. Замечательная речь. Невероятное объяснение. И я не сомневаюсь, что она должна играть – Богом и родителями ей дано очень многое.

Что касается звезд... Они в этом фильме сыграли не главные роли, за что я им очень благодарен. Я по-прежнему с удовольствием работал с любимой моей актрисой Еленой Яковлевой. Впервые я пригласил Ларису Удовиченко. Яркая,

“Послеобеденное завещание” японца Канзю Синдо, постановка Клауса Марии Брандауэра по Томасу Манну “Марио и волшебник”, “Состояние аффекта” Мики Каурисмяки, картина Кристофера Монгера “Англичанин, который поднялся на холм, а спустился с горы”, Россию представляет фильм Петра Тодоровского “Какая чудная игра”. Желая удачи единственной российской картине, участвующей в конкурсе, “ЛГ” предлагает вниманию читателей интервью с ее создателем.

У нас, насколько жестки правила фестивальных игр класса А, свидетельствует один штрих: фильмы “Американская дочь” и “Мусульманин” не участвуют даже в информационном показе российских фильмов “Из коллекции “Искусства кино” – в связи с вероятным участием их в конкурсе Монреальского фестиваля.

У нас же фестиваль – во многом очередная попытка реанимировать прокат. Коллекция “Искусства кино” презентует тридцать наиболее интересных лент российского кино, плюс – фильмы-экранизации, которых только за 1994 год оказалось 10, плюс фильмы, снятые в республиках бывшего СССР за последние три года. И симптоматичное отражение прокатных проблем – даже на фестивале, даже с такой мощной государственной поддержкой не нашлось денег, чтобы сделать копию для показа фильма Ежи Кавалеровича “За что?” (по рассказу Льва Толстого).

Как ожившее воспоминание о лучших временах переполненных кинозалов – забытый до предела зальчик на программе фильмов Александра Алексеева, основоположника оригинальной школы анимации во Франции, потом – в США. Вход, к счастью, бесплатный. Как, впрочем, на всю программу “Русское кино в эмиграции”...

На остальные фильмы билет стоил 10 тысяч. Столпотворение около кинотеатров не наблюдается. Но любители кино еще подают признаки жизни. И то сказать – где еще и посмотреть “Взгляд Улисса” Тео Ангелопулоса или, к примеру, “Королевство” Ларса фон Триера...

тончайшая актриса. Снова с радостью встретился с Николаем Бурляевым (он снимался и в “Военно-полевом романе”) – первоклассный актер! К сожалению, мало снимается.

Как и Ольга Блок-Миринская – яркая, сочная актриса. Я увидел ее в спектакле “Бумбараш” в Театре Табакова. Я помню свое ощущение, когда на сцену выскочила атаманша – Ольга. Она и в жизни такая: громкая, яркая. Я попросил ее сыграть один эпизод в картине. И она это сделала блестяще.

– Это правда, что во время съемок последнего фильма вы отремонтировали поселковый клуб?

П. Т. Когда мы нашли этот клуб, заброшенный едва ли не со времен войны: без освещения, без туалета, без отопления, без водоснабжения, – мы были счастливы. Мы не могли себе позволить ни экспедиции, ни декораций – денег у нас было крайне мало. Отремонтировали клуб, превратили его в общежитие. И сняли в нем весь фильм. По нынешним понятиям – задешево.

– А сколько стоит сейчас “задешево”?

П. Т. Мы уложились в пятьсот с чем-то миллионов. Когда я об этом говорю коллегам, никто не верит.

– Финансовые проблемы были самыми трудными?

П. Т. Самое трудное – работать с собакой. У нас снималась собака Джеки. Приятно, что она оказалась очень умной и образованной. Но как ей объяснить задания? Например, один из героев ей говорит: “Адольф! (У нас в фильме собаку звали Адольф.) Адольф, закрой дверь! Или Адольф, ко мне, на руки”. Прыгнуть-то он прыгнет, но на руки к хозяйке. А как сделать, чтобы к актеру прыгнул, – вот в чем загвоздка была.

А вообще сложность в том, что у нас было много ночных сцен. Представьте: в течение месяца мы работали с десяти вечера до восьми утра. Зимой. С ветродуем. С собаками. В пурге. А в два часа почему-то всем хочется спать. А Лена Яковлева, к примеру, приезжала после спектакля, и у нее маленький ребенок. Даже если мы старались ее сцены в первую очередь снять, все равно она работала до трех-четырёх ночи, а то и до утра. А в одиннадцатый утра у нее, между прочим, репетиция. А в семь вечера она играет в спектакле. И снова – к десяти едет к нам.

– Зима тоже была обязательна по сценарию?

П. Т. У меня с зимой какие-то особые отношения. “Верность” – зимняя картина. “Городской романс”, “Фокусник”, “Воен-

Кадр из фильма “Какая чудная игра”

но-полевой роман”, “Анкор, еще анкор!”, наконец, “Какая чудная игра” – везде действие происходит зимой. В зиме есть какая-то прелесть. Снег прикрывает неустроенность нашу, все мусорные свалки и проч. и проч. Облагораживает пейзаж. И люди становятся мягче под колючим ветерком. И еще – это Россия. Я был в Марокко. И там в медресе увидел глобус. И на глобусе вся территория нашей страны была обозначена одним словом: не СССР, не Россия, а... Сибирь! Такое у людей представление о России – заснеженное пространство. Зима – белое, много белого. Мне это в ней нравится.

– Почему все-таки “ретро”? Это попытка сравнить времена?

П. Т. Во-первых, если “Анкор, еще анкор!” – ретро в чистом виде (послевоенная разруха, неустроенный быт военных городков), то я надеюсь, что фильм “Какая чудная игра” может иметь проекцию на сегодняшний день. Ведь мы сейчас живем в так называемый переходный период, и еще неизвестно, к чему мы придем и кто придет к власти в конце концов. Поэтому фильм “Какая чудная игра” в какой-то мере может быть предупреждением. Во-вторых, я не собираюсь никого учить... Человек приходит в кинозал со своим сложившимся представлением о жизни... И многие считают, что их способ существования – самый лучший и единственно возможный. Мне хотелось бы, может, несколько поколебать зрителя в этой уверенности, показать ему нечто более привлекательное. Понимаете, в наше поколение от младенчества вбивали: “Это нельзя, это нельзя, а можно – то-то и то-то...” И мы, к сожалению, с этим и уходим из жизни. Но человек-то рождается свободным. Я считаю, чувство свободы – биологическое чувство. Человек так придуман Богом, что он рождается с желанием быть самим собой. Он может потерять все блага жизни, лишь бы остаться собой. Это же очень серьезно. Мальчики в ленте “Какая чудная игра” дурачились, дурачились – и вдруг в них прорвалось то, что было заложено, о чем они и себе признаться боялись. Ну откуда у Рыбкина, нашего героя, вдруг мысль, что надо объявить отмену цензуры, свободу слова, выезда, отмену паспортного режима?..

– Когда-то, году в 1992-м, Юрий Богомолов написал о вас статью, которую назвал “Одночестие спринтера на стайерской дистанции”. Но вы, похоже, все же стайер. Как вам удается сохранять долгое дыхание?

П. Т. Я поздно пришел в режиссуру, мне было уже за сорок, когда поработав

оператором, согласился стать сорежиссером на фильме по сценарию Григория Поженяна, который назывался “Никогда”. Я не заканчивал ни режиссерского факультета, ни сценарного. Приходилось самому докапываться до каких-то профессиональных вещей. Ну как, к примеру, работать с актерами? Я не знал. Это уж потом я понял, что чем меньше ты работаешь с актерами, тем лучше. В том смысле, что не надо морочить им голову, а точно сказать, что ты хочешь – в двух-трех словах. И – превратиться в доброжелательного коррективщика, который на съемочной площадке наблюдает и помогает актеру, если он вдруг “выпадает” из образа, который играет...

С каждым фильмом я все больше и больше понимаю что-то про кино. И мне все больше и больше это нравилось. Я люблю снимать кино. Это моя жизнь. Если я не буду снимать, я превращусь в пепел. Конечно, чисто физически мне стало труднее. Но я получаю огромное удовольствие от работы. И потом, это интересно. Вначале ничего нет. Потом появляется бумага, на которой я пишу что-то, да? После этого появляются живые люди – актеры, которые вносят в твоё детище что-то совсем неожиданное, свое. Когда встречаешься, к примеру, с Инной Чуриковой, это же чудо! Приходит личность, талант, который обогащает образ. Это настолько интересно: ты придумал, снял, смонтировал, а потом все это видишь на экране. Режиссер – потрясающая профессия. Трудная и счастливая.

– Раньше проблема проката режиссера не волновала. Теперь, наверное, наоборот. Где могут посмотреть вашу картину те, кто не успеет это сделать в дни фестиваля?

П. Т. Прокат – самое больное место. К примеру, “Анкор, еще анкор!” у нас взяла прокатывать фирма “Инициатива”, которую возглавлял молодой прогрессивный человек – Олег Чесноков. Мы отдали ему все права на прокат картины, в том числе телевизионный, видеопрокат. Ни студия “Круп”, ни фирма “Мирабель”, которые снимали фильм, ни съемочная группа не получили ни копейки. Он сказал, что ничего не заработал. А как проверить? Кто этим будет заниматься?

А фильм “Какая чудная игра” будет прокатывать фирма “Кармен”, ее возглавляет Марина Трубина. Фильм выходит в прокат в сентябре-октябре этого года.

Спрашивала
Жанна ВАСИЛЬЕВА